

▼ ГОСТЬ РЕДАКЦИИ

Валерий ЗАМУЛИН:

Изучить и рассказать, как было

О кропотливом исследовательском труде и интереснейших архивных находках, которые легли в основу его книг, рассказал белгородский историк и писатель Валерий Замулин.

Большую часть жизни уроженец Прохоровского района, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Юго-Западного государственного университета, а с недавних пор и член научно-советского комитета по истории Великой Отечественной войны при историко-филологическом отделении РАН посвятил исследованию истории Курской битвы и Прохоровского сражения. Валерий Николаевич является автором более 120 печатных работ, в том числе 15 монографий на нескольких языках по этой теме. А в ближайшее время выйдет его первая детская книга о Курской битве, которую планируют издать на средства, собранные с помощью народного финансирования.

— Валерий Николаевич, расскажите, как будет эта книга и как детям нужно рассказывать о Великой Отечественной войне?

— Для меня это новый опыт, потому что в детской книге должен быть совершенно другой подход к подаче информации. Нужно рассказать о Курской битве просто, кратко, объёмно, а главное доступно для ребёнка. Считаю, что начинать изучение истории Великой Отечественной войны надо с раннего возраста. В школах сейчас на это отводится всего несколько часов. И учитель — хочет не хочет — вынужден идти по программе. Поэтому задача перед нами — мной и главным редактором издательства «Пятый Рим» Григорием Пернавским — стоит очень непростая: сделать небольшую, но яркую, доступную и интересную книжку, чтобы её хотелось взять в руки и ребёнку, и взрослому. Издательство и свои деньги вложит, но оно маленькое и самостоятельно этот проект не потянет. Вот мы и решили, как говорится, «кинуть шапку» на «Планете» (краудфандинговая платформа. — Прим. авт.). За первые три дня собрали больше 600 тысяч рублей, а это говорит о том, что в обществе есть интерес и запрос на такую литературу. И что она будет востребована, как предыдущие книги издательства, посвящённые Великой Отечественной войне — «Блокада» и «Победа».

Живая история

— Валерий Николаевич, а как вы сами заинтересовались историей?

— Наверное, во мне это изначально было заложено. К тому же я родился на прохоровской земле — в Журавке, где шли тяжелейшие бои начиная с 1941 года. Все посадки и особенно поля здесь были завалены военными артефактами. Земля их выталкивала из себя, а я собирал. Родители поддержали моё увлечение и разрешили в зале — главной комнате дома — устроить, по сути, военный музей. Я тогда в 4-м классе учился. К окончанию Журавской восьмилетней школы у меня было уже более 1200 экспонатов. Начиная от гильз, снарядов, элементов пулемётов, касок, заканчивая траками от советских и немецких танков. Я по своему музею экскурсии проводил для желающих. Однажды произошёл удивительный случай: ко мне пришёл сосед — одинокий дедушка, который всю войну прослужил авиационным механиком. Посмотрел он музей, похвалил и сказал, что передаст в него свои награды — орден Красной Звезды, «За отвагу», «За боевые заслуги», за взятие Варшавы. Для меня это было невероятным — такое доверие мальчишке...

А ещё свою роль сыграло то, что директором нашей школы был историк, ветеран войны Алексей Иванович Заболотский. Своими воспоминаниями об участии в ней он особо не делился, но уроки истории очень интересно вёл. Тогда я и понял, что больше всего меня интересует военная история.

— То есть к моменту окончания школы сомнений, куда поступать, у вас не было?

— Уж 6-му классу я понял, что хочу быть историком — не педагогом, не археологом, а именно историком. Хотя в то время у меня было довольно смутное представление о том, что это такое. После окончания 10-го класса Прохоровской школы я поступил в Белгородский пединститут на исторический факультет. Закончил первый курс, и меня призвали в армию. Попал на Северный флот, где прослужил два года в береговой части обеспечения. Для меня армия стала большим опытом. Я там увидел живую военную организацию государства. К тому времени у меня уже было чёткое осознание: то, что в книжках написано — теория, а в армии я увидел, как оно на практике. И это понимание накладывалось на рассказы ветеранов, которые я слышал в детстве, как они в окопах сидели, голодали и мёрзли, какие командиры были. Ко мне тогда пришло осознание, что военную историю очень «причёмсывали». Это сформировало желание узнать «как было по-настоящему», стремление видеть за праздничной «открыткой» реальность. Я считаю, что для историка это важнейшее качество.

Валерий Замулин посвятил свои работы исследованию истории Курской битвы в Великой Отечественной войне

— А интерес к Курской битве как и почему у вас возник?

— Стучилось на третьем курсе института, когда надо было выбирать специализацию. Интерес именно к Курской битве появился, во-первых, потому что я здесь родился, жил рядом с теми, кто в ней участвовал. И я начал изучать военную историю: собрал все книжки в нашей домашней библиотеке, пошёл в районную библиотеку, потом в областную. И где-то в течение лета-осени — то есть 4–5 месяцев — штудировал монографии, мемуарную литературу и периодику по истории Великой Отечественной войны с акцентом на Курской битве. Но делал это осознанно: у меня была тетрадь, куда я заносил информацию, полезна ли книга или в ней одна «вода». Так прочитав я более 600 томов и, когда начал баланс подводить, понял, что истории Курской битвы как таковой у нас нет. Потому что я прочёл много о ней, но ничего не понял. Не понял, когда она началась реально, потому что наши считали, что 5 июля, на западе — 4 июля. У нас была своя историография, у них своя — и они никак не соотносились. И тогда я решил, что надо этим заниматься. Пришёл к преподавателю и сказал, что хочу написать диплом по Курской битве. Мне объяснили, что для диплома нужны материалы не только из книг, но и документы, которые ещё засекречены. Но чтобы не отбивать у меня желание к исследовательской работе, мне посоветовали: сейчас сдавай экзамен, а начнут их рассекречивать, тогда и можно с ними поработать, уже имея в кармане диплом историка.

Архивные находки

— И вы последовали этому совету и занялись научной работой, как только для этого представилась возможность?

— Да, конечно, сразу ринулись в архивы? — Да, конечно, сразу ринулись в архивы? — Нет, сначала работал в архиве, а потом начал заниматься подготовкой базы источников. Сначала поехал в Центральный архив Министерства обороны и с 1996 по 2004 год там по неделе-две работал. Я понял, что нашёл то, к чему так стремился: увидел колоссальный объём информации, который никто до меня не видел, никто с этими документами не работал. Среди них были журналы боевых действий, разведсводки, распечатки телефонных разговоров Н. Ф. Ватутина с командующими армий — бюрократия советская ещё та была, сохранилось очень много материала. Тогда и понял: это колоссальный труд на годы, я нашёл клад, и его нужно разработать. В 1999 году появился первый обработанный материал — была опубликована большая статья с новейшими материалами по истории Прохоровского сражения. В ней я привёл боевой состав танковой армии Ротмистрова, её потери. А потом музей-заповедник начал издавать Книгу памяти погибших в Прохоровском сражении, и я предложил сделать её не только с име-

Работы историка основаны на базе документальных источников

Я ХОЧУ, ЧТОБЫ МОЛОДЫЕ ЛЮДИ ИЗ МОИХ КНИГ ПОЧЕРПНУЛИ РЕАЛЬНУЮ, ЖИВУЮ, ДОСТОВЕРНУЮ ИСТОРИЮ.

Результаты научных работ Замулина широко используются авторами военно-исторических трудов

нами-фамилиями павших, но и с большой вводной статьёй, с перечнем частей и соединений и с указанием, где они вели боевые действия и чем отличались. В итоге первую часть книги издали как обычно, а вторую — как я предложил: с большим очерком на научной основе и большой детализацией событий. Эта книга стала моей первой крупной исследовательской работой. Потом я свой очерк переработал, расширил, и в 2005 году появилась моя первая самостоятельная монография — «Прохоровка: неизвестное сражение великой войны». С неё началась моя работа не только как исследователя, но и как военного историка.

— А в чём разница между ними?

— В более широком подходе. Когда я только начал работать в архивах — ещё во время подготовки очерка — то понял, что мне не хватает материала. Ведь в документах была отражена только одна сторона. Нужны были другие документы — войска Вермахта. Они находились в Германии, но немцы тогда настроены были к русским исследователям относительно, молли и визу не даёшь. Мне пришла идея съездить в Национальный архив США. Ведь в 1945 году немецкие войска стремились сдаться в основном союзникам, в том числе и 4-я танковая армия, которая в Курской битве играла очень важную роль. Все её документы американцы вывезли к себе, эти материалы хранятся в Национальном архиве США, который находится под Вашингтоном. В нём можно было поработать не только с оригиналами документов, но и купить фотоплёнку, на которой были сняты эти материалы, — американцы просто за свои деньги делали, ведь для них это была чужая история, чужая война. Я пошёл к директору музея и попросился в командировку туда, пообещав, что мешок этих плёнок привезу. Привёз и для себя многое смог выписать за две недели, проведённые в американском архиве. Когда начал работать над новыми книгами, все необходимые документы перевёл и начал сравнивать информацию — нашу и немецкую. И вот этот метод работы на двух базах архивных источников и их сравнительный анализ впоследствии стал характерной особенностью моих книг. Если проведённый нормальный анализ, информация должна примерно совпадать и показывать реальную картину, какой она была, ошибки командования, их причины, сильные и слабые стороны войск, успехи и неудачи. То есть в этом случае влияние субъективного фактора — исследователя — минимизируется. Я могу думать и говорить что хочу, но есть факты. И выводы свои я подтверждаю двумя базами документов — и наших, и немецких.

Правда о Прохоровке

— Какие открытия по Курской битве и Прохоровскому сражению вам удалось сделать благодаря своему методу сравнения?

— В своей первой книге «Прохоровка» я предложил новую периодизацию сражения. Его надо считать с 10 по 16 июля. Потому что оно общевойсковое, а не чисто танковое. И началось оно 10 июля, потому что 9 июля командующий 4-й танковой армии Г. Гот поставил задачу всему танковому корпусу СС взять Прохоровку, а до этого таких задач не ставилось. Следовательно, с 10 июля советские войска занимались удержанием обороны в районе Прохоровки — то есть противодействовали наступающему противнику. В результате до 16 июля эссышки Прохоровку и прилегающий к ней район взять не смогли, и в ночь на 17 июля начался отвод сил на исходные позиции. Операция «Цитадель» провалилась. Следовательно, закончилось и сражение за Прохоровку. Победили в нём наши войска, так как 4-я танковая армия свою задачу не решила, а армии Ротмистрова, Жадова и Крючёнкина выстояли.

Кроме того, в «Прохоровке» я впервые опубликовал таблицу потерь в бронетехнике 5-й гвардейской танковой армии за 12 июля 1943 года, посчитав каждый танк по документам: где был подбит или сожжён, на какой срок попал в ремонт. И получилось, что в этот день армия Ротмистрова под Прохоровку свою задачу не выполнила. Полностью сгорели и вышли из строя с ремонтом на неделю 362 машины, а ещё 140 требовали текущего ремонта. В живой силе армия понесла весомые потери. К концу дня ситуация была очень тяжёлая. Первоначальный замысел контрудар был правильным, но с ним опоздали на два дня. А когда проводили контрудар, то этот огромный бронированный коток армия ввела в бой под Прохоровкой в двух районах — 640 машин разновремененно, а не сразу все: южнее Прохоровки, в районе Ржавца и юго-западнее Прохоровки, в районе высоты 252.2. У высоты наступало два корпуса — 340 танков и САУ. Если бы эта бронированная машина, эшелонировано — 150, 150 и 150 танков — развернувшись, как положено, двинулась вперёд, то никакой бы корпус СС не устоял. Они бы всю его пехоту и технику уничтожили и закатали в чернозём. Но район развёртывания на утро 12 июля находился там, где танковая бригада — 53 танка — не могла выстроиться в линию — местность не позволяла. Ударный клин армии Ротмистрова находился в очень узком горлышке юго-западные станции, в теснине. И гвардейцы не смогли использовать свою мощь, несколько сотен танков, сведённых в единое целое, на относительно узком участке фронта. А нам десятилетия рассказывали, что вся эта машина вперёд рванула и уничтожила всё, что было на её пути. Но на самом деле вместо «лавины боевых машин» получилась «тоненький ручеек». Танки выходили и разворачивались побатайлоно (по 26) перед огневыми позициями вражеской артиллерии. В результате по самым скромным подсчётам за 10 часов боя в районе Звоничина — высота 252.2 — было потеряно 4,5 тысячи личного состава и 165 танков при продвижении на 2 километра. А задача была — выйти к Яковлеву и даже повернуть в направлении Белгорода, то есть углубиться в оборону корпуса СС почти на 30 км. Поэтому в своей книге я называю 12 июля самым трагическим днём в истории Прохоровского сражения и одним из самых неудачных дней Курской битвы.

— И у вас хватило смелости поднять этот вопрос?

— Не хватало смелости, поехали положительные отзывы, но я чувствовал, что не всем это понравилось. Прежде всего, не понравилась моя самостоятельность. Я назвал своими именами крупные проблемы Прохоровского сражения, дал ссылки, процитировал документы, но меня всё равно назвали очернителем Курской битвы. Мою должность в музее сократили, однако меня поддержали коллеги-историки, руководство Юго-Западного университета, расположенного в Курске, предложили работу. Я прикрасился туда как соискатель, сдал кандидатский минимум и написал диссертацию по Курской битве. А ещё начал работу над двумя книгами — «Курская излом» и «Засекреченная Курская битва». Но работать преподавателем я был не готов, а должности научного сотрудника в университете в тот момент не было. И я ушёл в Курский госуниверситет, где эта вакансия как раз открылась, и проработал там восемь лет.

По принципу достоверности

— Как сейчас складывается ваша научная и писательская деятельность?

— В 2017 году я вернулся в Юго-Западный университет как ведущий научный сотрудник. Занимаюсь темой «События Великой Отечественной войны на территории Курской области». За это время я переработал и переиздал все свои прежние книги и издал несколько новых. А в прошлом году вышла наша совместная с сыном Виктором, тоже защитившим кандидатскую диссертацию по теме Курской битвы, книга «Мифы и легенды Огненной Дуги». По сути, это путеводитель по истории Курской битвы. Но знаете, очереди исследователей за мной нет — и это меня растроивает. Но есть и то, что радует: в 2014 году появился 21-й том Российской энциклопедии, где сказано, что Прохоровское сражение было не 12, а 10–16 июля. Там есть сноска, в том числе и на мою книгу. А в 2021 году вышел учебник истории А. В. Шубина под редакцией В. Р. Медникова, в котором говорится не только о Прохоровском сражении, но и упоминаются Поньги — «точка напряжения» на севере Курской дуги. То есть изменения идут, среди российских историков появился консенсус по многим вопросам истории Курской битвы. И главное — в 2021 году меня включили в научный совет по истории Великой Отечественной войны при историко-филологическом отделении Российской академии наук. То есть и меня как специалиста по военно-исторической тематике, и результаты моей многолетней работы признали на высоком научном уровне.

— Валерий Николаевич, о чём вы как исследователь мечтаете?

— Чётко определённые люди из моих книг по черпнули реальную, живую, достоверную историю, знали о реальных, а не придуманных, больших достижениях нашего народа, наших предков, нашей Родины. Мы не святые, путь нашего государства — это не победа к победе. Это огромный тяжёлый труд, направленный на сохранение своей страны, своего народа, совершенствование условий жизни. Мы сохранили 50 лет мира на планете — это заслуга именно нашего народа. И сейчас выдохнем. Всё будет хорошо.

Беседовала Тамара АКИНЬШИНА
Фото Алексея ДАЦКОВСКОГО